

Глубокоуважаемый Игорь Михайлович!

Коллектив ФГБНУ «ИХОиК РАО» сердечно поздравляет Вас с Юбилеем! Желаем Вам активной творческой деятельности как композитора, ученого, педагога, пропагандиста электронного музыкального искусства, главного редактора журнала «Музыка и электроника», автора уникального проекта «Музицирование для всех»!

Пусть самые смелые идеи реализуются в педагогическом и музыкальном творчестве! Крепкого здоровья, благополучия и процветания!

От редакции. Мы присоединяемся к поздравлениям, адресованным Игорю Михайловичу Красильникову, нашему активному автору и другу журнала. На этот раз мы публикуем, в связи с юбилеем композитора и ученого, его, любезно присланные нам, воспоминания о любимых учителях.

О МОИХ КОНСЕРВАТОРСКИХ НАСТАВНИКАХ

ABOUT MY CONSERVATIVE MENTORS

КРАСИЛЬНИКОВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ
KRASILNIKOV IGOR MIKHAILOVICH

доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры «Педагогика искусства» Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования» (Москва)

doctor of pedagogical sciences, chief researcher, professor of department «Pedagogy of art» of The Federal State Budget Scientific Institution «Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education» (Moscow)

Сочинение музыки, исполнительская и педагогическая деятельность являются моими главными увлечениями. И эти увлечения сформировались во многом благодаря общению с замечательными консерваторскими наставниками.

Вкус к сочинению музыки (являюсь автором 80-ти музыкальных опусов, а также — музыки к кинофильмам, спектаклям и компьютерным играм) мне привил Евгений Кириллович Голубев, который за почти пятидесятилетнюю преподавательскую деятельность в Московской консерватории воспитал десятки известных композиторов (в т. ч. А. Г. Шнитке и А. Я. Эшпая).

Ходили слухи, что он чрезмерно требователен и «засушивает» своих учеников. Не знаю, на чем основаны такие слухи, но общение с Евгением Кирилловичем вызывало как раз обратное впечатление. Конечно, он делал студенту замечания, направленные на улучшение приносимого в класс материала, но его преподавательский стиль скорее можно назвать либеральным. Он старался помочь всем своим студентам, к какому бы стилю они ни тяготели (на тональной или атональной основе), и тем, кто находился в творческом кризисе, и тем, кто мало сочинял.

Основой его подхода к преподаванию композиции было внимание к качеству тематического материала и его развитию. Это кажется старомодным и

Евгений Кириллович
Голубев

даже вызывает критику со стороны некоторых профессоров, ведущих в наши дни композиторский класс. В самом деле, — кажется им, — насколько это принципиально со времен музыкального авангарда, когда был провозглашен разрыв с мелодикой как основой организации музыкальной ткани?

Конечно, можно сочинять как угодно. Но ведь подлинным композитором является тот, чью музыку играют. И если в сочинении отсутствует яркое тематическое зерно и его проращение в целостную композицию, то оно во многом теряет свою предметность. А если «матрица» беспредметна, то что же «тиражировать» в исполнительских интерпретациях? Сотни композиторов «засветились» в период буйного расцвета авангарда в 50–70 гг., и кто сегодня играет их музыку?

Значит, Евгений Кириллович, приобщая студента к работе над фундаментальными элементами содержательного формообразования, боролся за его будущее как композитора, музыка которого будет интересна кому-то кроме него самого. И это характеризует его не только как замечательного профессионала, но и как глубоко этического человека.

Е. К. Голубев был композитором с яркой индивидуальностью, оставившим большое наследие — около 90 опусов (в том числе 24 струнных квартета!), и я уверен, что слова поэта: «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед» вполне можно отнести к его замечательным произведениям. Мне посчастливилось исполнять некоторые его фортепианные сочинения (Поэму, Сонату-балладу, Сонату № 6, пьесы из цикла «В Старой Рузе», Фортепианный концерт № 1), и я горжусь тем, что являюсь первым исполнителем его Транскрипций из балета «Одиссей».

Дружеские отношения с Евгением Кирилловичем оставались у меня и во время, и после учебы, вплоть до самой его кончины. Я ездил к нему в гости в дом творчества «Руза», на дачу на Николину гору и на дачу к его сестре. В общении он отличался изысканностью и аристократизмом. Всегда был подчеркнута строго одет, даже у себя дома, на улице Неждановой (ныне — Брюсов переулок), когда занимался со студентами. На стенах его квартиры висели православные иконы — Евгений Кириллович был веру-

ющим человеком. И главное — он талантливо развивал в своем творчестве великие традиции русской музыки, будучи учеником Николая Мясковского и Сергея Прокофьева. Получить возможность воспринять от него эти традиции было для меня большой жизненной удачей.

Увлечение исполнительством (а мне довелось провести сольные концерты фортепианной и электронной музыки в ряде городов России и Германии, а также записать в фонд радио в Москве 11 опусов композиторов XX века и компакт-диск фортепианной музыки в Берлине) также формировалось в консерваторские годы и во многом благодаря общению с другим легендарным консерваторским профессором — Львом Николаевичем Обориным. Мне довелось учиться у него в последние годы его жизни (1971–73). Он перенес инсульт и был тяжело болен, но занимался со студентами добросовестно, и его уроки были очень содержательными.

Лев Николаевич Оборин

Занятия, как правило, проходили у него дома, на Большой Дорогомиловской улице. Он сидел у окна, когда ученики исполняли на рояле в центре комнаты подготовленные дома работы, делал краткие замечания. Иногда вставал и дирижировал в процессе исполнения музыки, точно задавая ее характер.

Но самое интересное начиналось после «официальной части». Он удивительно интересно рассказывал о себе, своих друзьях — Дмитрие Шостаковиче, Араме Хачатуряне, Давиде Ойстрахе, Андрее Баланчивадзе, Юрии Брюшкове и других выдающихся музыкантах. Конечно, надо было бы после каждого занятия записывать эти рассказы. Думаю, накопился бы материал на интересную для многих книгу. По молодости мне как-то не пришло это в голову. Но некоторые сюжеты этих рассказов сохранились в памяти.

Так, в дуэте с Давидом Ойстрахом Лев Николаевич впервые исполнил только что написанную Сергеем Прокофьевым первую скрипичную сонату перед автором (кстати, потрясающее сочинение, вошедшее в репертуар многих скрипачей). По словам рассказчика, автор был очень доволен исполнением, даже раскраснелся. Спросил у исполнителей, что они думают о его музыке? Может быть, по их мнению, в ней что-то можно усовершенствовать?

На что Лев Николаевич ответил, что в первой части «есть шов» и указал на соответствующее место (эх, надо было бы мне на следующий урок принести ноты этой сонаты, чтобы узнать — где это место!). Сергей Прокофьев предложил Льву Оборину устранить этот «шов», и таким образом в классической сонате появилось несколько тактов, сочиненных пианистом!

Фантастическая история! Значит, текст даже великого композитора не является «истиной в последней инстанции», и теоретически можно предположить возможность его улучшения. По-видимому, в этом случае проявляется рудиментарное влияние прешественицы композиции — импровизации.

Анекдот от Льва Оборина. Как известно, Игорь Стравинский только в зрелые годы начал серьезно заниматься на фортепиано, чтобы исполнять свой фортепианный концерт. Гастролировавшего в Польше Льва Оборина любитель музыки попросил дать автограф. Полистав альбом с автографами этого любителя, Лев Николаевич обнаружил обводной рисунок пальцев руки и подпись — «Игорь Стравинский». А на следующей странице — такой текст: «Когда мне будет сорок лет и я начну учиться играть на фаготе, я Вам нарисую свои легкие. — Сергей Прокофьев».

Удивительными оказались для меня рассказы об Араме Хачатуряне — о том, как он, будучи восемнадцатилетним юношей, много дней на поезде ехал в Москву поступать учиться музыке, зарабатывая на хлеб темпераментной игрой лезгинки на барабане. Как он выражал неуверенность в своем таланте после премьеры фортепианного концерта на открытой площадке какого-то летнего парка. И как первый исполнитель этой замечательной музыки, Оборин, после концерта успокаивал его и пытался воодушевить.

Лев Николаевич рассказывал, как на конкурсе им. Шопена, в первых тактах соль-мажорного ноктюрна зацепил фальшивую ноту. И вспоминал свои мысли в тот момент: «Снять руки с клавиатуры? — Нет, надо исходить из того, что есть!». И волевой импульс привел восемнадцатилетнего юношу к оглушительному успеху.

Лев Николаевич снисходительно-добродушно отнесся к озвученным мной палиндрому Владимира Софроницкого: «Велик Оборин — он и робок, и Лев» и эпиграмме со словами «...он вундеркиндом средних лет в волнах шопенистых звенит». Правда, в эпиграмме находил дурновкусие. Все это побочные атрибуты его огромной славы, а он в созвездии отечественных пианистов XX века, несомненно, был звездой первой величины.

Д. Б. Кабалевский и И. М. Красильников на VII съезде Союза композиторов СССР. Колонный зал Дома Союзов. 01.04.1986 г.

Ну и, наконец, появлением своего третьего увлечения — педагогической деятельностью (опубликовал 410 научных работ, являюсь автором внедренных в практику концепций электронного музыкального творчества как учебно-художественной деятельности и интерактивной музыкальной деятельности школьников, провел курсы подготовки преподавателей по классу клавишного синтезатора в 46 городах России и СНГ) — я во многом обязан Дмитрию Борисовичу Кабалевскому.

Первое произведение, которое можно отнести к жанру интерактивного музицирования, было написано мной в 1979 году по его предложению. Эта была обработка русской народной песни «Камаринская» для детского инструментального ансамбля и народного оркестра. Тогда особого значения этой своей работе я не придавал. Просто было любопытно решить столь необычную задачу. Но сейчас понимаю, какие широкие перспективы имеет подобный вид творчества детей и подростков, и поражаюсь масштабы педагогического дара Д. Б. Кабалевского, который, в том числе, впервые предложил развивать данную деятельность в рамках массового музыкального образования.

Любопытно, что Дмитрий Борисович, ознакомившись с этой моей партитурой, сделал по ней ряд замечаний, к которым я по молодости лет не прислушался. И ее исполнение в те далекие годы прошло незаметно. Вернувшись к этой партитуре спустя тридцать с лишним лет, я вспомнил все его замечания и внес соответствующие поправки в партитуру. Она стала звучать лучше, и сегодня ее с успехом играет ряд оркестров. Но главное — эта партитура стала для меня образцом в создании многих других произведений подобного рода, с помощью которых можно вывести на филармоническую

сцену всех школьников и тем самым мотивировать их к музицированию.

Дмитрий Борисович стал «крестным отцом» моей научно-методической деятельности — именно он обратил мое внимание на сферу массового музыкального образования, приглашал на работу в свою лабораторию в НИИ школ. Несколько встреч с этим замечательным человеком, его беседы со мной, в которых он рассказывал о важности общения композитора с детьми и принципах своей работы с ними, трудно переоценить в становлении моей педагогической деятельности. Он даже предложил съездить в пионерский лагерь «Океан» (в окрестностях Владивостока), где прошло мое «боевое крещение» в качестве выступающего с концертом-беседой перед детско-юношеской аудиторией.

Считаю, что в юности мне сказочно повезло с наставниками. Общаться с такими людьми, не говоря уже о возможности получения у них профессиональных советов, является настоящим подарком судьбы. Ведь взгляд высокоталантливых личностей даже на общеизвестные вещи зачастую отличается свежестью и оригинальностью, и простые фразы, брошенные ими, могут послужить толчком для серьезных размышлений и важных творческих открытий.

После премьеры литературно-музыкальной композиции для тещи с оркестром «Чио-Чио-сан. Рассказ гейши». Рядом с композитором — актриса Екатерина Гусева и дирижер НАОНИР им. Н. П. Осипова Евгений Волчков. Камерный зал ММДМ. 14.10.2022 г.

После концерта проекта «Музицирование для всех» вместе с дирижером Сергеем Жадновым, педагогами и юными участниками концерта. Большой концертный зал Чебоксарского музыкального училища им. Ф. П. Павлова. 22.10.2022 г.